

Американская дуэль

Книга: К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х т. Том 1
Издательство "Художественной литературы", Москва, 1988
Художник А.Ф.Таран
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 ноября 2002 года

I

"Чайка", красавец военный трехмачтовый клипер, слегка накренившись, неся под всеми парусами с попутным, ровным зюйд-вестом, направляясь из Гонолулу, на Сандвичевых островах, к берегам Калифорнии, в Сан-Франциско.

Был седьмой час чудного июньского вечера.

Солнце, ослепительно заалевшее, медленно, величаво и словно бы нехотя опускалось за горизонт, заливая его блеском пурпура и золота и окрашивая часть бирюзового неба какими-то волшебными переливами всевозможных красок.

Палящий зной дня прошел. От волнистого безбрежного океана веяло прохладой. Казалось, не надышишься этим чистым морским воздухом.

Океан тихо рокотал. В этом рокоте не звучал угрозой морякам и не натягивал их постоянно напряженные нервы. Могучие волны прозрачной синевы с седыми, ослепительной белизны, верхушками одна за другою с тихим гулом разбивались о клипер, обдавая его алмазною водяною пылью, и покачивали его с бока на бок с ласковою осторожностью доброй няньки.

За кормой слегка пенилась серебристая лента и вдали исчезала, сливаясь с волнами.

Было тихо и торжественно кругом на беспредельном просторе океана, часть которого была охвачена заревом заката. И эта торжественность природы невольно передавалась многим чутким душам моряков.

Вахтенные матросы, стоявшие у своих снастей, не перекидывались словами. Они притихли и, любуясь на величавый закат, невольно отрешались от обыденных мыслей, приподнято настроенные. У многих вырывались невольные вздохи, те вздохи безотчетной грусти, которая охватывает людей, чувствующих красоту и таинственную неразгаданность природы.

Один молодой матросик, маленький, худенький и пригожий, с большими глазами, пугливыми, как у дикого зверька, тоскливо смотрел, как закатывается солнце, и вдруг перекрестился и шепнул:

- О господи!

И молодой голос его звучал грустно-грустно, словно бы он жаловался на что-то, просил о чем-то, жалел чего-то.

А между тем вокруг так хорошо!

Никто не обратил внимания на это скорбное восклицание молодого матросика.

Только стоявший около него, у той же фок-мачты, при снастях, пожилой матрос, рябоватый и вообще неказистый лицом, крепкий и приземистый, без среднего пальца, давно оторванного марса-фалом на жилистой, пропитанной смолой, правой руке, повел на вздохнувшего матросика бесстрастным, казалось, взглядом человека, давно ко всему притерпевшегося.

Повел и, сразу понявши причину грустного настроения первогодка-матросика, проговорил своим грубоватым, сиплым от пьянства голосом, в котором, однако, несмотря на грубость, пробивалась участливая нотка:

- И дурак же ты, Егорка.

Егорка пугливо взглянул на старого матроса, который раньше никогда не удостоивал его разговором.

- А ты не оказывай перед им страху, - продолжал беспальный матрос, понижая конфиденциально свой зычный бас: - Он и бросит над тобою куражиться... боцман-то... Нешто больно даве съездил? Целы